

АНАЛИЗ БАЗОВОГО КОМПОНЕНТА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ МЕТАПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕДИАТИЗАЦИИ

В.Ю. Татаров

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Татаров В.Ю., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-2-26-33

***Аннотация.** В статье представлены результаты историко-теоретического анализа онтологическо-гносеологической составляющей философских оснований цифрового общества. Философские предпосылки цифровизации и медиатизации – двух метапроцессов, лежащих в основании цифрового общества, – формируются в Новое время, но уходят своими корнями в философские традиции Античности и Средневековья. Главным предметом исследования стало переосмысление в новоевропейской философии античных концептуальных оппозиций естественного и искусственного, науки и техники, физики и механики, естествознания и математики. Благодаря революционным преобразованиям, связанным с именами Г. Галилея и Р. Декарта, в XVII веке произошло преодоление указанных оппозиций, что привело к возникновению экспериментально-математического естествознания. Результатом проведенного анализа стал вывод о смещении в философии Нового времени исследовательских акцентов с онтологической проблематики на проблематику субъектно-объектной гносеологии. Были выделены и сформулированы базовые принципы философских оснований цифрового общества.*

***Ключевые слова:** философские основания, цифровое общество, математизация естествознания, математическая модель, конструирование реальности.*

Актуальность. Важнейшей концептуальной задачей философского исследования является прояснение философских оснований изучаемых объектов. Метапроцессы цифровизации и медиатизации, формирующие инфраструктуру цифрового общества, уже получили свое теоретическое обоснование в одноименных социологических концепциях, однако философские основания этих метапроцессов были недостаточно изучены. В философских основаниях цифровизации и медиатизации можно выделить три системы принципов: онтологическо-гносеологическую, философско-политэкономическую и философско-технологическую. Базовой системой является онтологическо-гносеологическая, сложившаяся в процессе пересмотра фундаментальных принципов античной и средневековой науки в XVI–XVII веках. В результате переосмысления этих принципов на смену представлению о конечном универсуме с его различием надлунного и подлунного миров, естественного и насильственного движений пришло иное понимание реальности, снимающее «онтологический барьер между естественным и искусственным, наукой и техникой и, соответственно, физикой и механикой, а также между математикой как наукой об идеализованном (сконструированном) объекте и естествознанием как наукой о реальной природе» [4, с. 224–225].

Онтологический аспект: преодоление разделения между естественным и искусственным (новоевропейское понимание природы). В своем разделении природных объектов и артефактов, естественных и искусственных процессов античная и средневековая физика исходила из аристотелевской концепции природы. Существуют, согласно Аристотелю, четыре первопричины бытия: материальная, действующая,

формальная и конечная, или целевая [2, с. 70; 3, с. 87–89]. Философ определяет природу (φύσις) через противопоставление искусственному (τέχνη): природа есть то, что имеет начало движения «в самом себе», а созданное при помощи мастерства и искусства – «в другом и вовне» [3, с. 82]. Различие между природными вещами и искусственными объектами состоит в том, что первые «самодвижны» (они порождаются и движутся формами и целями природы, которые находятся в самих вещах), а вторые «инодвижны» (они порождаются и движутся формами и целями, находящимися в человеческой душе) [2, с. 198]. Это различие фактически исчезает только в области однородных тел, таких как металлы и руды, то есть в области химии, «где трудно определить формы и цели» [2, с. 198]. При этом Аристотель считает, что однородные тела некоторым образом встроены в естественную телеологию, однако «доминирующими принципами их порождения являются материальные и действующие причины» [21, р. 111].

Начиная с XIII века (и особенно в XIV веке) представители схоластической философии стали настаивать на исключении конечных причин из описания физического мира. В Новое время элиминация таких причин из указанного описания получает полное обоснование в новой, механистической, концепции природы. Согласно этой концепции, физика – это наука, исследующая действующие и материальные причины, а изучение форм и конечных причин закрепляется лишь за метафизикой [4, с. 221]. В сочинениях философов-механицистов и естествоиспытателей (например, у П. Гассенди, Р. Бойля, И. Ньютона) конечные причины перестали играть какую-либо роль в объяснении конкретных явлений: эти причины стали пониматься не как непосредственно имманентные физическому миру, а как присущие ему извне, относящиеся либо к человеческой деятельности, либо к провиденциальным намерениям Бога, запечатленным в творении [18]. Можно согласиться с историком и философом науки М. Ослер, что в сочинениях естествоиспытателей XVII века «речь идет не об отказе от конечных причин как таковых, а об их переосмыслении в рамках новой концепции природы» [18, р. 390].

Наиболее решительную попытку концептуализации «не-аристотелевского», новоевропейского, понимания природы предпринял Р. Декарт (1596–1650). Античная философская мысль различала, с одной стороны, науку (ἐπιστήμη), с другой – механику (μηχανική) как вид мастерства и искусства. «Механика для древних – это вовсе не часть физики, а искусство построения машин; она представляет собой не познание того, что есть в природе, а изготовление того, чего в природе нет» [4, с. 217]. Превращая механику в раздел физики, Декарт снимает классическое противопоставление артефактов и природных объектов. «В механике, – пишет он, – нет правил, которые не принадлежали бы физике [частью или видом которой механика является]; поэтому все искусственные предметы вместе с тем и предметы естественные» [7, с. 540]. Устраняя противопоставление природы (φύσις) и искусства (τέχνη), французский философ вводит другой дуализм, а именно природы (res extensa) и мышления (res cogitans). Как замечает историк и философ науки Г. Шиманн, картезианский дуализм делит сущность человека на две части – естественную и неестественную: безоговорочно неестественным в онтологии Декарта является «только ясное и отчетливое понятийное мышление, отсылающее к чему-то другому или рефлекслирующее на себя» [20, р. 70].

Гносеологический аспект: математизация природы и естествознания (новоевропейский гносеологический стандарт). Античная и средневековая физика, представленная преимущественно аристотелевской научной программой, в отношении эмпирической основы науки и способа обоснования своих положений была качественной. Ее методология исходит из того, что чувственное восприятие – единственная человеческая способность, дающая возможность хоть как-то прикоснуться к сложной природной вещи, – «естественным образом схватывает ее как нерасчлененное,

неартикулированное и смешанное целое» [16, р. 48]. Вещи состоят из элементов, а элементы – из сочетания двух простейших качеств, представляющих собой противоположности. Анализ природного тела начинается с обнаружения семи пар тактильных противоположностей, которые в соответствии с требованием несводимости одних качеств к другим редуцируются к двум парам (первым различиям – *πρῶται διαφοραί*): активной (теплое – холодное) и пассивной (сухое – влажное), которые и лежат в основе элементов [3, с. 419–420]. В поздней схоластике аристотелевское учение о первых различиях трансформировалось в учение о первичных качествах (*qualitates primae*), благодаря особым комбинациям которых возникают все остальные качества (*qualitates secundae*), то есть тактильные и качества других чувств [13, s. 497–500]. Аристотель также проводит различие между качествами отдельного чувственного восприятия, например цветовыми, звуковыми, вкусовыми и тактильными свойствами, с одной стороны, и общими компонентами чувственных восприятий – «движением, покоем, числом, фигурой, величиной» – с другой [2, с. 407–408]. Он упрекает атомистов, то есть представителей конкурирующей научной программы, в том, что они «сводят частные свойства к общим» [1, с. 543].

Для античной науки и философии было характерно противопоставление числа и величины, связанное с понятиями несоизмеримости и бесконечного. Под числом (*ἀριθμός*) понималось целое положительное число, состоящее из единиц; единица была и элементом, и началом всех чисел [12, с. XII; 17, р. 58]. Открытие несоизмеримости, или иррациональности, то есть отношений, не выражаемых целыми числами (например, отношения двух величин – диагонали к стороне квадрата), породило принципиальное различие между числом и величиной. В алгоритме Евклида процесс нахождения общей меры для двух несоизмеримых величин уходит в бесконечность, ибо в этом случае «при постоянном попеременном вычитании меньшей из большей остаток никогда не измерит своего предшествующего» [9, с. 103]. Аристотель различает экстенсивную и интенсивную бесконечности, то есть бесконечное от прибавления и бесконечное от деления. Для того и другого единица является общей мерой, пределом (нижним для числового ряда, верхним – для величины) [3, с. 112, 120–121]. При этом античный философ отрицает актуальность бесконечного – существование как бесконечной величины (например, бесконечного мыслимого или воспринимаемого чувствами тела), так и бесконечного числа, поскольку, по его мнению, актуализация бесконечного представляет собой процесс, который никогда не может быть доведен до конца [3, с. 113].

В аристотелевской философии науки естествознание и математика рассматривались как принципиально различные (хотя и пересекающиеся в объекте своего исследования) умозрительные дисциплины. Если физика занималась изучением «самодвижных» (имеющих начало движения (изменения) в самих себе) и самостоятельно существующих предметов, то математические науки, напротив, описывали, анализировали неподвижные предметы (числа, геометрические тела, плоскости, точки), которые существуют «не самостоятельно», а находятся «в другом» как его абстрактные свойства [2, с. 115, 181, 276, 285]. Математические предметы возникают в результате абстрагирования геометрических и арифметических свойств от природных тел и их движения [3, с. 85], поэтому математик имеет дело с более простым, а следовательно, более точным предметом исследования, чем физик. Устанавливается корреляция между простотой этого предмета и точностью занимающейся им науки: так, наука, сконцентрированная на числе и абстрагирующаяся от величины (арифметика), точнее той, которая от нее не абстрагируется, но имеет дело и с числом, и с величиной (геометрия) [2, с. 326].

Математизация естествознания как революционный процесс, пик интенсивности которого пришелся на XVI–XVII века, была подготовлена предшествующими философскими традициями и их переосмыслением. Позднесхоластическое учение о первичных и вторичных качествах, восходящее к аристотелевскому учению о первых различиях, лежащих в основе элементов, стало отправным пунктом для пересмотра этого учения в Новое время. Итальянский ученый Г. Галилей (1564–1642), часто именуемый отцом современной науки, считал реальными качествами материальных тел лишь математически выразимые свойства (величину, фигуру, число, пространственное движение), а такие качества, как вкус, запах, цвет и тому подобные, – пребывающими «только в нашем чувствилище» [6, с. 223–226]. Это различие между двумя группами физических качеств нашло свое законченное выражение у английского философа Дж. Локка (1632–1704), унаследовавшего схоластическую терминологию от своего предшественника Р. Бойля. Галилеевские «реальные качества» (поверхностные свойства, которые Аристотель относил к общим компонентам чувственных восприятий) у Локка получили название «первичные», а чувственные качества, которые, согласно его учению, конституируются не в сознании, а в самих телах различными комбинациями реальных, он назвал вторичными. Как отмечает немецкий историк философии К. Бэймкер, первичные и вторичные качества Локка имеют формальное сходство с понятиями средневековой схоластики, однако «в соответствии с новой наукой их содержание изменилось»: представители новой механистической физики «заменили схоластический квалитативный взгляд на природу квантитативным способом ее объяснения» [13, с. 504–516].

Важнейшим шагом в направлении сближения математики и физики стал пересмотр в схоластической теологии XIII–XV веков античного понятия бесконечного. Немецкий философ раннего Возрождения Н. Кузанский (1401–1464) признал «полную актуальность» бесконечного – бесконечного максимума, который совпадает с бесконечным минимумом и служит «всеобщим пределом» и «точнейшей мерой всего» [11, с. 54, 55, 73]. По мнению философа, наш конечный интеллект постигает истину только в процессе бесконечной аппроксимации и так же относится к истине, «как многоугольник к кругу: будучи вписан в круг... даже при умножении своих углов до бесконечности он никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождество с ним» [11, с. 53].

Математизация природы и естествознания достигает своего апогея в XVII веке, не в последнюю очередь благодаря метафизическому убеждению, что мир создан «весом, числом и мерой» (*pondere, numero et mensura*), что «первичными компонентами природных вещей являются треугольники, круги и другие геометрические объекты» [19, р. 320]. Следовательно, согласно Г. Галилею, физический объект можно сблизить или даже отождествить с объектом математическим. Однако, поскольку эмпирическая картина физической реальности сильно отличается от математической конструкции, отождествление математического и физического происходит не в реальном физическом объекте, а в его предельном случае – объекте идеализованном, специально сконструированном в мысленном эксперименте. По мнению Галилея, «если бы в природе существовали и сохранялись без изменения совершенные сферы и плоскости», то они обладали бы математическими свойствами, например «соприкасались бы в одной-единственной точке» [5, с. 306]. Дело отца современной науки по геометрическому конструированию физического объекта продолжил Р. Декарт. Отождествив материю и пространство, он превратил физическую реальность в пространство стереометрии – неопределенно протяженное математическое тело [8, с. 197]. Геометрическую науку французский философ преобразовал в аналитическую геометрию: он объединил арифметику и геометрию, создав общую науку – универсальную математику (*mathesis universalis*), в которой число и отрезок отождествляются на основании сходства

операций, производимых над ними [7, с. 93–94; 10, с. 14–15]. Идея такой математики восходит к образцам математического искусства древних цивилизаций Египта, Вавилона, Индии, где математическое знание было организовано в основном «не как совокупность теорем, а как набор определенных алгоритмов, позволяющих решить те или иные задачи» [10, с. 13]. В XVII веке универсальная математика Декарта становится методом познания реальности – инструментом конструирования природных объектов и универсальным алгоритмом. «Под методом же, – пишет он, – я разумею точные и простые правила, строгое соблюдение которых... без излишней траты умственных сил... постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно» [7, с. 89].

В среде исследователей, занимающихся проблемами истории и философии науки, начиная с первой половины XX века происходит критическое осмысление философских принципов, положенных в основу экспериментально-математического естествознания. Так, подмена в естественно-научном объективизме жизненного мира «математически субструируемым миром идеальностей» вызвала беспокойство у основоположника феноменологии Э. Гуссерля [15, р. 48]. Согласно немецкому философу, галилеевская картина мира основана на метафизическом предположении, «что все, что проявляется как реальное... должно иметь свой *математический индекс*» [15, р. 37]. Так, *ex suppositione* (предположительно) возникло математическое естествознание, которое, как «одеяние идей» или «одеяние символов» символично-математических теорий, облакает жизненный мир в форму «“объективно действительной и истинной” природы. Именно благодаря одеянию идей мы принимаем за *истинное бытие* то, что в действительности является *методом*» – методом, предназначенным для постепенного улучшения *in infinitum* (безгранично, бесконечно) грубых эмпирических предвидений с помощью научных предвидений [15, р. 51–52]. В основе этого метода лежит процесс двусторонней идеализации реальности, в котором сначала неопределенные эмпирические формы преобразуются в идеальные предельные формы, затем такие идеальные предельные формы применяются к эмпирическим формам, преобразуя их в измеримые идеальные формы [15, р. 32–33]. Вместе с идеализацией вводится универсальная и замкнутая природная каузальность, в которой все однозначно и заранее детерминировано. Всеобщие каузальные взаимосвязи, или «законы природы», выражаются в математических формулах «в виде “функциональных” числовых зависимостей» [15, р. 39, 41, 60]. По мнению Гуссерля, *mathesis universalis* как алгебраическое мышление «в своем полном и совершенном смысле... есть всесторонне проведенная формальная логика» [15]. В математическом естествознании это мышление превращается в технику вычислений, в процессе применения которой «*изначальное мышление*», придающее смысл техническим процедурам, оказывается выключенным. При этом метод математического естествознания (в особенности формулы математической физики как «особые чистые структуры формальной *математики*») становятся «машинами для предвидения», правильно пользоваться которыми может научиться каждый [15, р. 45–47, 52]. Гуссерль пришел к выводу, что, несмотря на все последовавшие начиная с XVII века научные новации, в том числе и критику классического закона каузальности в неклассической физике, в математическом естествознании сохраняется принципиальная философская идея – идея математической самой по себе природы, данной в формулах и интерпретируемой только исходя из формул [15, р. 53].

Комментируя создателя современной феноменологии в соавторстве с другими учеными, австрийский исследователь Ф. Бергхофер отмечает, что, согласно Гуссерлю, Галилей перепутал метод репрезентации реальности с самой реальностью: он «принял математически-геометрический формализм... как само собой разумеющееся и интерпретировал его как данность» [14, р. 417, 429]. С тех пор математические модели

стали нормативным стандартом репрезентации того, что реально присутствует в сфере простого опыта жизненного мира.

Заключение. В результате математизации естествознания в новоевропейской философии произошло смещение исследовательских акцентов с онтологической проблематики на проблематику субъектно-объектной гносеологии, что стало следствием сближения (а в предельном случае – отождествления) естественного и искусственного, физического объекта и его математической модели. В галилеевско-декартовской картине мира, инвариантные элементы которой сохраняются в наукоцентричных философских системах, реальность стала подменяться математическими моделями. Исходя из представленного анализа, в качестве базовых принципов, конституирующих философские основания метапроцессов цифровизации и медиатизации, можно выделить:

1. Конструктивизм. Согласно этому принципу, познаваемая реальность (объект) конструируется самим субъектом: никакой другой реальности, помимо конструируемой субъектом, не предполагается.

2. Квантификацию. Представляет собой принцип, в соответствии с которым реальность репрезентируется в виде количественных данных, полученных путем сведения качественных характеристик к количественным.

3. Формализм. Этот принцип предполагает понимание реальности как ее репрезентации посредством абстрактной системы, построенной с использованием формализованного языка, оперирующего символами и их комбинациями по определенным правилам с отвлечением от объективного содержания, придающего смысл этим операциям.

4. Алгоритмизацию. Согласно этому принципу, знание (или информация) получается и аккумулируется посредством специальных эпистемологических процедур, разработанных для экономии когнитивных ресурсов и представляющих собой упорядоченные конкретными правилами системы операций над исходными данными.

Библиографический список

1. Аристотель. Об ощущении и ощущаемом // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли. М.: Аквилон, 2015. С. 530–581.
2. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. / ред. и вступ. ст. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
3. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. / ред. и вступ. ст. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
4. Гайденок П.П. Метафизические и религиозные предпосылки новоевропейского естествознания // Метафизика. Век XXI. Вып. 3: наука, философия, религия. М.: БИНОМ. Лаб. знаний, 2012. С. 213–229.
5. Галилей Г. Избранные произведения: в 2 т. М.: Наука, 1964. Т. 1. 640 с.
6. Галилей Г. Пробирных дел мастер / пер. Ю.А. Данилова. М.: Наука, 1987. 270 с.
7. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 711 с.
8. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
9. «Начала» Евклида: в 3 т. / пер. с греч. Д.Д. Мордухай-Болтовского при ред. участии М.Я. Выгодского и И.Н. Веселовского. М. – Л.: Гостехиздат, 1950. Т. 3. 511 с.
10. Катасонов В.Н. Метафизическая математика XVII века. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 144 с.
11. Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.
12. Маковельский А. Досократики. Казань: Книгоизд-во М.А. Голубева, 1919. Ч. 3. 192 с.

13. Baemker C. Zur Vorgeschichte zweier Lockescher Begriffe // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1908. Vol. 21. No. 4. P. 492–517. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/agph.1908.21.4.492/html> (дата обращения: 20.01.2023).
14. Berghofer P., Goyal P., Wiltche H. Husserl, the mathematization of nature, and the informational reconstruction of quantum theory // Cont. Philos. Rev. 2021. Vol. 54. P. 413–436.
15. Husserl E. The Crisis of european sciences and transcendental phenomenology // An Introduction to Phenomenological Philosophy. Northwest: University Press, 1970. 405 p.
16. Mouzala M. Aristotle's method of understanding the first principles of natural things in the physics I.1 // Peitho. Examina Antiqua. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 31–50.
17. Mueller I. Philosophy of mathematics and deductive structure in euclid's elements. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1981. 378 p.
18. Osler M. From immanent natures to nature as artifice: the reinterpretation of final causes in seventeenth-century natural philosophy // The Monist. 1996. Vol. 79. No. 3. P. 388–407.
19. Roux S. Forms of mathematization (14th–17th Centuries) // Early Science and Medicine. 2010. Vol. 15. No. 4. P. 319–337.
20. Schiemann G. Contexts of nature according to aristotle and descartes // The Proceedings of the Twenty-First World Congress of Philosophy. 2007. Vol. 5. P. 65–71.
21. Schummer J. Aristotle on technology and nature // Philosophia Naturalis. 2001. Vol. 38. No. 1. P. 105–120.

ANALYSIS OF THE BASIC COMPONENT OF THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF METAPROCESSES OF DIGITALIZATION AND MEDIATIZATION

V.Yu. Tatarov

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article presents the results of the historical and theoretical analysis of the ontological and epistemological component of the philosophical foundations of the digital society. The philosophical prerequisites for digitalization and mediatization, the two metaprocesSES underlying digital society, are formed in the Modern Era, but are rooted in the philosophical traditions of Antiquity and the Middle Ages. The main subject of the study was the rethinking in the Modern European Philosophy of the ancient conceptual oppositions of natural and artificial, science and technology, physics and mechanics, natural science and mathematics. Due to the revolutionary transformations associated with the names of G. Galileo and R. Descartes, these oppositions were overcome in the 17th century, which led to the emergence of experimental-mathematical natural science. The result of the analysis was the conclusion about the shift in the philosophy of Modern Era of research emphasis from ontological problems to the problems of subject-object epistemology. The basic principles of the philosophical foundations of the digital society were identified and formulated.*

Keywords: *philosophical foundations, digital society, mathematization of natural science, mathematical model, construction of reality.*

Об авторе:

ТАТАРОВ Владимир Юрьевич – аспирант второго года обучения кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: terving@lenta.ru

About the author:

TATAROV Vladimir Yurievich – graduate student of the second year of study of the department of psychology, history and philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: terving@lenta.ru

УДК 321.74(09)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ КАРЛА ШМИТТА

О.И. Туманова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-2-33-36

***Аннотация.** В статье исследованы отдельные положения учения о демократии немецкого политического философа Карла Шмитта. Демократия рассматривается как форма организации государственной власти, выделяется необходимое условие ее существования – равенство, которое возможно обеспечить за счет определенной гомогенности народа.*

***Ключевые слова:** демократия, равенство, народ, демократическая гомогенность, государство.*

В публичных обсуждениях событий внутренней и внешней политики обращает на себя внимание негативная тенденция, связанная с искаженным использованием классических понятий общественно-политических наук в угоду текущей конъюнктуре. При этом измененное содержание достаточно активно навязывается обывателям в информационном пространстве. Происходящая подмена понятий не только лишает политические категории изначального смысла, но и отчасти девальвирует их. Так, активное использование категории демократии для объяснения или оправдания различных по своему характеру действий в социально-политической сфере искажает то содержание, которое вкладывалось в нее представителями философии, политологии, социологии. Обращение к изначальным смыслам традиционных определений политического дискурса, представленным в различных парадигмах социально-философской мысли, позволит не только сформировать представления о текущих процессах, но и дать им качественно иную оценку.

Изучая категорию демократии, следует обратить внимание на ее анализ, предложенный в работе немецкого политического теоретика Карла Шмитта «Учение о конституции» (1928). Автор рассматривает классические формы государственного устройства: монархию, аристократию и демократию. При этом последняя признается им «не видом власти, а только формой ее организации» [2, с. 192].

Любая государственная система, по мнению К. Шмитта, есть особая форма политического единства. Под этим единством понимается состояние, которое народ